

„Боевым курсом“

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ ТРАМА

Л. КАРПОВ и А. ГОРБЕНКО
 Драма о флотском комсомольце Октябрьского, Львова и Горбенко воспевлена в поэтической записке. Пьеса заглядывает в сущность возврата к размышлению людей в практике социалистической жизни.

Записка Б. И. АНТОНОВСКОГО

Боцман—СТРОИТЕЛЕВ.

В пьесе слишком очевидно предначертанная «механика событий», руководящая персонажами: слишком легкими находят свою «новую жизнь» и одиозны слаба опора всей их драматической жизни.

Драматургическая ограниченность пьесы поставила тяжелые задачи перед спектаклем и прежде всего свела бы возможность самоопределения трамбовского актера.

Конечно, в запасе ТРАМа нашлось не мало теплоты для награвы оптимистической, молодежной атмосферы зрелища. Там, где пьеса выхолит к своим нечастым подемам—режиссура достигает подлинного, сценически обогнанного напряжения, напоминающего не плохие образцы предвоенного кинематографического периода ТРАМа (мотив готовности к боевому курсу—спеша в каюте командного корабля).

Лучшие сцены спектакля говорят о том, что после краткого и слишком поспешного отъезда от собственного богатого наследия (в «Опломном потоке») Ленинградский ТРАМ начинает более свободно и смело распоряжаться всем опытом своего прошлого накопления. Отчуждая его от ошибок и ложных обоснований: в спектакле возвращена мощная сила музыки—теперь она «договаривает», а не уничтожает актера, возвращает свободные композиционные возможности действия («галльчик»).—теперь они олужат не стелечным каторжником, а входят в образ и расширяют психологический смысл положения, не дущаясь своей реалистической мотивированности—все это линия подема, линия роста театра.

Но пьеса еще не дала лен. ТРАМу возможности выдаться за это респектабельное зрелище, которое в ближайшем будущем должно поднять театр на новый уровень, к новым задачам и новым горизонтам. Тот актер, который нужен сейчас ТРАМу, еще не заявил о себе с достаточной определенностью. Одно из самых слабых мест спектакля—это элемент неравновесности сценических персонажей, зачастую сводимых к некоей средней величины, которая всегда готова перейти в односторонний, одноплановый вид. Это—почти все признаки преждевременного завершения трамбовских амплв, глущих под командного образа сегодняшней молодежной действительности—на сцене как бы оживают в остатках кинематографических заготовок все старые трамбовские заготовки все старые. В частности, эта старая булевая «мелочность» просто копировала лицо колхоза в спектакле: из привычных амплв неумично возникла линия своеобразной трамбовской «идилличности» или «пастельности» в изображении колхозных людей и колхозников ТРАМу. Эти

же актер. Но создать его, дать ему жизнь и направление на сцене может только драма.

Лен. ТРАМ еще не призвал драматургию в свою практику—от этого праздника зависит будущее театра и весь ход борьбы за новый творческий этап трамбовского движения.

В. БЛОМЕНФЕЛЬД

Карпов—ШМЫРОВ

М. Комсомольская правда 20/1-36 ЧТО ПОКАЖЕТ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТРАМ?

Ленинградский трам начал новую сезон пьесой о комсомольце из флота «Боевой курс» работы своей драматургической группы. Следующей постановкой, посвященной 15-летию Октября, будет пьеса В. Шипуновского «На западе—бой» в постановке Р. Суворовича.

В порядке освоения драматургического наследия трам приступит к постановке «Недоросль» Фавянина, страдая раскрыть эпоху и максимально приобщить материал пьесы к современному зрителю. Ставит пьесу М. Соколовский; музыку пишет Д. Шестакович с использованием подлинной музыки XVIII века; художник—Ф. Ковалев. Премьеры—в конце января 1933 года.

Параллельно с этим трам работает над пьесой Ал. Троицкого и А. Старикова «Я!». Постановка режиссера Н. Соколовского, художник—И. Вускович. К концу сезона трам поставит пьесу Д. Грера «Большой вечер» на историю «последнего» молодого человека эпохи империализма. Пьеса строится на материале кризиса на Западе; в частности использует вывол с самоубийством синагогского короля Грейера.

Кроме того, для трам драматург М. Львов и молодой композитор Губов ищут оперету на комсомольской жизни и бытовую тему.

свого наступления и пытается поднять свою тему на проблемную высоту: человек находит себя, свои творческие силы, свою революционную цельность только в условиях правды, расстановки, на соответствующем ему месте.

Краснополотен Миле Карпов не чувствует себя по-настоящему ни во флоте, ни в колхозе до тех пор, пока один из приятелей не приглашает его на необитаемую каюта—Карпов ради этого берет командный насос и—находит себя, свою цель, свою новую жизнь. Опираясь на—необходимая часть социалистического коллектива, который вводит в себя эту пробужденную индивидуальную силу, сам вырастает в своем активном общественном содержании.

Комсомолец Степаненко был на корабле и в колхозе, и минером, и рабочим, и всюду вынужден прикрывать свои неудачи веселым балагурством, но вот шестой поход в колхоз открывает в нем способность настоящего рабочего—пьеса дает своему герою личностное достояние, уверенность в себе, возможность служб, направляя его боевым курсом в колхозному театру и мельнице.

Баланс актеров, как будто бы, весь приспособлен к тому, чтобы вложить живое дыхание и силу действия в драматические образы—к сожалению, эта задача не выполнена трамбовской драматургией. Тема проходит в значительной мере мимо своих героев, не задевая и не напокая их; не достигая в них достаточной психологической конкретности. И здесь мы и подходим к определению решающих принципиальных недостатков новой работы ТРАМа, пьеса Соколовского, Львова и Горбенко еще не открывает о сущности той «идиллической» драмы, принятием которой в свое время равнялся театр.